

Эта мощная книга о Темной Богине — богатое и глубокое исследование, которое объединяет историю, мифологию, психологию и религию. Авторы написали сущностный текст, мудрый, энергичный и откровенный.

— ДЖОАН ГАЛИФАКС,
автор книги «Плодотворная тьма»

Танцующая в пламени дает нам удивительно богатое и глубокое знание Темной Богини. Ее скрытое присутствие в психе мужчин и женщин становится видимым благодаря пронцательным прозрениям Мэрион Вудман и Элинор Диксон. Видимая и невидимая, оцененная или очерненная, в истории, мифах и культуре, а также в отдельных личностях, Темная Богиня несет в себе преобразующую силу и женскую мудрость, которые раскрываются в этой прекрасно задуманной книге, которая может повлиять на читателя, как важное сновидение или вызывающее воспоминания стихотворение.

— ЖАН ШИНОДА БОЛЕН,
доктор медицины, автор книги
«Переход на Авалон и Богини в каждой женщине»

Душа, в высшей точке своего формирования, стремится войти в царства Темной Богини — чтобы проявить секрет красоты в мире. Как патриархат мог вообразить, что мы сможем выжить как отдельные личности или как вид, отпав от Нее, источника жизни и смерти? Мэрион Вудман и Элинор Диксон очень умело и пронизательно направляют нас по пути обновленной традиции мудрости.

— ДИНА МЕЦГЕР,
автор книги «Пиши для своей жизни»

1. Свирепая и Любящая Богиня

Инвокация к Кали

... Черная богиня Кали, ужасная, со множеством имен, «труднодоступная», чей желудок пуст и поэтому никогда не может быть заполнен, и чье чрево вечно рождает все сущее ...

— Джозеф Кэмпбелл

*Пришло время для призыва:
Кали, будь с нами.
Насилие, разрушение, прими наше почтение.
Помоги нам превратить тьму в свет,
Излить боль, гнев,
Чтобы их можно было увидеть такими, какие они есть —
Колесом равновесия для нашей уязвимой,
страдающей любви.
Помести дикий голод туда, где ему и место,
Внутри акта творения,
Грубую силу, которая создает баланс,
Между ненавистью и любовью.
Помоги нам быть всегда исполненными надежды
Садовниками духа,*

*Которые знают, что без тьмы
Ничто не рождается,
Как без света
Ничто не цветет.
Помни о корнях,
Ты, темная, Кали,
Восхитительная сила.*

— Мэй Сартон

От Великой Матери к Богине

Около пяти лет назад я сидела в своей солнечной комнате и читала утреннюю газету. Чувство волнения усилилось, когда я прочитала статью о посвящении храма черной богине Кали прямо здесь, в Торонто, Канада. Хотя я очень мало знала о ней, я была очарована ее образом. Я видела, как она танцевала, с окровавленным мечом в одной руке и отрубленной бородатой головой в другой. Ее высунутый язык свисал из разинутого рта, а на шее болталось ожерелье из черепов. Почему я была очарована таким свирепым образом? Неужели я таила в себе какую-то неосознанную ярость, которая хотела вырваться наружу? Как бы ни раздражали меня, даже бесили патриархальные системы, доминирующие в нашей культуре, я чувствовала, что это не объяснение. Я почувствовала, как сама Кали взывает ко мне.

На первый взгляд, Кали предстает свирепым воплощением всепожирающей матери, которая поглощает все, даже своих собственных детей. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается огромный нимб вокруг ее головы, нимб, которого не было на ранних изображениях Великой Матери. Ореол свидетельствует о статусе Кали как Богини, о том, что ее нужно

Рисунок 1. Великая богиня Кали, Индия. Кали, если рассматривать ее в ее высшей форме как жену Шивы, является прекрасным примером ассимиляции старого образа Великой Матери в новый и более высокий свод мифологии Великой Богини.

понимать не только как пожирательницу, но и как созидательницу. Она черная, темная как матка, темная как воронка, из которой исходит все творение, и в которую оно возвращается. Для своих преданных она подобна черному сапфиру; свет сияет сквозь ее черноту. Она танцует и самозабвенно смеется, опьяненная своей загадочностью.

Двойная роль Кали как пожирающей матери и просветленной богини подчеркивается в стихотворении, написанном Вивеканандой, индуистским мудрецом двадцатого века.

*«Я не из тех, — пропел он, —
кто надевает гирлянду из черепов
Тебе на шею,
А затем в ужасе оглядывается назад
И зовет Тебя “Милостивой”.
Сердце должно стать кладбищем,
Гордость, эгоизм и желание вместе
рассыпаться прахом,
Тогда и только тогда Мать
будет танцевать там!»*

В этом стихотворении Вивекананда отмежевывается от тех, кто проецирует свой собственный страх на Кали, а затем трепещет перед ней, стремясь успокоить ее гнев. В этих нескольких вступительных строках поэт улавливает суть подлинного поклонения Великой Богине: эго должно умереть; должна произойти трансформация, в которой происходит отказ от всех ложных ценностей, от всего, за что ошибочно цепляется эгоистичная природа. В могильнике сердца просветленные преданные Кали видят не только буквальную смерть, но и смерть ценностей, корнящихся в страхе. Когда они придут к тому, чтобы принять смерть как необходимый шаг в своей трансформации, тогда Кали сможет танцевать свой та-

нец вечного становления. Как только ее циклы будут приняты, те, кто любит ее, освободятся от страха смерти, освободятся от своей собственной уязвимости, смогут свободно прожить ее мистерию.

Мистерия Кали заключается в том, что она одновременно разрушает и создает — разрушает, чтобы создавать, создает, чтобы разрушать, смерть на службе жизни, жизнь на службе смерти. Кали — это время, имманентность, непрерывное становление, природа как процесс. Как непрерывное движение, не имеющее иной цели, кроме собственной деятельности, Кали так же безразлична к требованиям эго, как и к инстинкту выживания. Противоположности жизни и смерти, любви и ненависти, смирения и гордости, бедности и богатства, милосердия и мести, справедливости и тирании ничего не значат для нее, потому что в ней нет полярности. Для Кали весь опыт одинаков — как в жизни, так и в смерти.

В индийских деревнях, где Кали посвящают отдельный праздник, жители неделями лепят глиняную статую своей любимой Богини, той, которая является феминной мудростью глубоко в теле, которая не имеет рационального смысла. Когда наступает ее день, они поют и танцуют древние танцы, несут ее по улицам, а на закате дня бросают в реку. Мгновенно она возвращается в грязь. Вся любовь и забота, вложенные в ее творение, растворяются в воде. Сотворение и разрушение Кали символизируют то, как выглядит мир явлений для тех, кто признает его частью большего целого. Те, кто может принять ее цикл — жизнь и смерть — больше не уязвимы. Они бесстрашны.

Вместе с Кришной, Кали стала одним из самых популярных божеств в индуистском пантеоне. Как отмечает Дэвид Кингсли, «во многих тантрических текстах для Кали недвусмысленно выделяют место великого божества; действительно, во многих текстах ее называют верховным божеством, торжествующим над всеми остальными, фактически эквивалентом Брахмана». Этот рост по-

клонения Кали и ее возвышение представляли собой значительный шаг в эволюции матриархальной мифологии.

Опираясь на работы Бахофена, Нойманна, Кэмпбелла и других, Кен Уилбер описывает три этапа в этой эволюции. Первая стадия, тифон, относится к периоду самых ранних гомо сапиенсов (неандертальцев и кроманьонцев) в целом, и сама по себе представляет собой структуру сознания, в котором доминируют привязанный к телу менталитет и инстинкты. «В самые ранние времена тифона, — пишет Уилбер, — Великая Мать, вероятно, была не чем иным, как воздействием, невербальным шоком от отдельного самостоятельного существования и выражением простой биологической зависимости». В этот период Мать была той, кто кормил, кто обеспечивал потребности жизни с помощью растений, семян и животных. Пещеры обеспечивали защиту ее чрева, которое в конечном итоге превратилось в цикле жизни и смерти в гробницу. Она была и подательницей жизни, и разрушительницей. Жизнь и смерть, радость и боль, были единой реальностью. Мать-Земля в «Прометее Освобожденном» Шелли выражает эту мысль так:

*И будет смерть — объятием последним
Той матери, что жизнь дала ребенку
И шепчет: «Милый, будь со мной всегда».*

Жизнь, в этой первой фазе, была тесно связана с кровью. Считалось, что источником зачатия является ежемесячное кровотечение у женщин: когда в утробе матери формировался ребенок, кровотечение прекращалось. Поэтому люди думали, что новая жизнь происходит от крови матери. Точно так же Великая Мать творила из своей крови. Она была утробой / могилой существования. Все физическое существование и обилие Земли для поддержания жизни проистекали из этого важнейшего источника — плодородия Матери.

Вторая стадия мифологии Великой Матери, как ее описывает Уилбер, возникла из самого раннего осознания разлуки с матерью. По мере того, как люди постепенно отделялись от природы, примитивные эмоции жизни и радости стали отличаться от эмоций смерти и боли. На этой фазе «самоощущение [было] более структурированным, более четким, как и сама Великая Мать. Мужчины и женщины лучше осознавали свое собственное хрупкое существование и, следовательно, лучше осознавали Великую Мать — кем она была и что она собой представляла». По мере того, как жизнь и смерть поляризовывались, люди начали задумываться о возможности небытия — ужасающая перспектива для молодого сознания. Смерть начала приобретать характеристики внезапности и ужаса, и тогда встал вопрос: «Как мне угодить матери, чтобы она дала мне жизнь, а не смерть?»»

Как умилоstitвить Великую Мать, сохранить ее в качестве защитницы и предотвратить ее гневную Месть? Дай ей то, что она требует — кровь! И придумай точный способ сделать это — ритуал! Таким образом, первым великим ритуалом был ритуал кровавого жертвоприношения, предложенный Великой Матери — Матери-Природе — в обмен на попытку утолить ее жажду крови ... Кровь действительно является телесной жизнью, и, если вы хотите купить жизнь, вы покупаете ее кровью. Так же обстоит дело и с палеологией; подобно магии, она работает с частичными истинами; и подобно магии, поскольку она не способна охватить более высокие перспективы или более широкие контексты, она приходит к варварским выводам (Ken Wilber, «Up From Eden»).